

На грани

Поведение человека в экстремальных условиях

Должен сразу предупредить, что это тема тяжёлая, мрачная,— примером экстремальных условий будут служить гитлеровские концлагеря. Но сначала я хочу объяснить, почему взялся за эту тему. Дело в том, что лагеря уже с ранней юности внушали мне животный ужас и одновременно — притягивали к себе. Только став взрослым, я смог разобраться в этой мешанине чувств.

Прежде всего, оказывается, как только начинаешь задумываться над тем, что происходило в этих лагерях, внимательно читать книгу и смотреть фильмы, то сразу возникает множество вопросов. Вот лишь некоторые из них.

1. Почему было так мало случаев сопротивления? Обычная картина — колонну в тысячу человек ведут на работу три эсэсовца с собакой. Заключённые — немцы, они — на своей, родной земле. Ну почему не вцепиться зубами в горло этим эсэсовцам и не бежать? Почему лагерем в двадцать тысяч заключённых легко управляла эсэсовская администрация в сто человек — и всегда был полный порядок?

2. Почему заключённых так плохо кормили — на грани выживания? Ведь концлагеря выполняли в Германии определённую экономическую функцию, у них был план, производственная программа. А с 1939 года, с начала второй мировой войны, они стали работать и на войну. Рабочий день в лагере продолжался шестнадцать — восемнадцать часов, выходных не было. Казалось бы, немцы, такие дотошные и предусмотрительные, должны были понимать, что если заключённых кормить лучше, то и работать они будут лучше. Ведь в Германии не было голода, с продовольствием у них было всё в порядке почти до самого последнего дня войны.

3. Обычная ситуация, мы знаем её по фильмам и книжкам. В лагерь попадают два человека. Один — высокий, сильный, мужественный и т. д. Другой — невзрачный, не приспособленный к жизни, в очках и т. п. Но вот проходит всего несколько месяцев — и что мы видим? Тот, сильный, мужественный, буквально разваливается у нас на глазах, становится доносчиком, превращается в ничто — и погибает. А другой, в очках, несмотря ни на что, остаётся человеком, поддерживает своих товарищей по несчастью, совершает подвиг. Почему?

4. Группа заключённых загружает вагоны песком. Вдруг эсэсовец ни с того ни с сего приказывает им бросить лопаты и грузить песок руками. Или хрестоматийное выкапывание и закапывание канав, перетаскивание камней из одной кучи в другую и

назад. Зачем? Конечно, среди эсэсовцев попадались и такие, которым страдание узников доставляло особое наслаждение, но это не объяснение, поскольку в большинстве случаев это были самые обычные немцы.

Это вопросы, на которые трудно ответить. И я привёл лишь несколько, есть ещё много других: почему запрещалось иметь часы, хранить фотографии близких... Всё непонятное — притягивает.

А теперь — самое главное. Привычная сцена из лагерной жизни: эсэсовец заставляет группу заключённых выполнять бессмысленные „упражнения“: „Встать! Лечь! Встать! Лечь!“ Смотришь — и волосы начинают шевелиться на голове, тебя охватывает животный ужас. Вроде бы ничего страшного. Мы привыкли видеть большие группы людей, согласованно выполняющих команды, — строй солдат, массовые гимнастические упражнения. Дело, однако, в том, что когда дают команду, то между её получением и началом исполнения есть небольшой зазор — нужно время на обработку команды внутри человека. Как бы мал ни был этот зазор, наблюдатель легко его улавливает. Так вот. У заключённого этого зазора нет. Команда мгновенно проваливается в исполнительные органы. Обработки внутри не происходит, потому что „нутра“ — нет. У этого существа (это не человек) нет внутреннего содержания, нет личности, нет души — как хочешь это называй. Ты понимаешь это кожей — и тебя сжимает страх. Ты понимаешь, что и с тобой можно сделать то же самое. Такое существо дальше я буду называть „идеальным заключённым“. Оно похоже на модель, управляемую по радио; один человек переключает кнопки на пульте управления — и тысячи, миллионы „идеальных заключённых“ выполняют нужные движения. Задачей гитлеровских концлагерей поначалу и было научиться превращать нормального, здорового человека за три года а „идеального заключённого“. Как? Об этом я и собираюсь рассказать.

Мой план таков: сначала — автор книги, из которой я обо всём этом узнал, и сама книга, потому что история её создания поучительна. Затем основное содержание — методика разрушения личности в условиях концлагеря и некоторые способы психологической защиты, за которые цеплялись заключённые. Окончу я разделом о том, какую роль играли концентрационные лагеря в жизни тогдашней Германии, в жизни свободного немца.

Бруно Беттельгейм

Это мой любимый автор. Я уже рассказывал о нём, когда писал о его книге „Не только любовь“ (М. Максимов. „Только любовь... Не мало ли?“. „Знание — сила“, 1987 год, № 7.). Повторю вкратце. Родился в 1903 году в Вене, по образованию — детский врач, тот, кого мы теперь назвали бы „детский психотерапевт“. Он — представитель известной венской школы психоанализа. Поначалу — последователь Фрейда, позже отошел от „ортодоксального“ психоанализа и разрабатывал свою собственную тему, суть которой — влияние среды на становление и поведение человека. Всю жизнь Беттельгейм лечит детей и написал про них много замечательных книг.

Переломными для него стали два года — 1938 и 1939, которые он просидел в

концлагере, сначала в Дахау, а затем в Бухенвальде. В 1939 году его выпустили, и он уехал в США. Там организовал знаменитую ортогенетическую школу имени Сони Шенкман при Чикагском университете для детей с психическими травмами и расстройствами. В этой Школе он прожил вместе со своими воспитанниками больше двадцати лет. (Об этой Школе и идёт речь в его книге „Не только любовь“.) В последние годы Беттельгейм отошёл от руководства Школой — возраст даёт о себе знать, но по-прежнему его жизнь связана с детьми. Он организовал консультацию для родителей, где вместе с ними пытался понять „трудных“ детей. Он пишет книги, ездит по разным странам, выступает по телевидению.

Но вернёмся к концлагерям. Примерно через три месяца пребывания в лагере Беттельгейм стал понимать, что сходит с ума. Он обратил внимание на то, что включился в некую странную деятельность, которой все узники предавались, как только выпадала свободная минутка. Вместо того чтобы использовать эти редкие мгновения для отдыха — поспать, почитать,— заключённые исступлённо обсуждали следующие темы: возможные смены и перестановки в лагерной администрации и их последствия для заключённых, догадки о том, что завезут завтра в лагерный магазинчик, международное положение (например, будет ли Турция выступать на стороне Германии в случае войны). Ненормальность этой деятельности, которой Беттельгейм поначалу даже не мог придумать название, сразу бросалась в глаза: ведь узники были лишены какой бы то ни было информации о том, что они с таким жаром обсуждали, поскольку в лагере никогда ни о чём ничего не известно. Кроме того, общее настроение, атмосфера этих разговоров — всё, что ни произойдёт, всё — к худшему. В результате, заключённые оказывались в ещё более угнетённом состоянии, чем они были до этого.

И тут Беттельгейм принял решение, которое и сделало его Беттельгеймом. Чтобы не сойти с ума, он как профессиональный психолог займётся изучением этого, несомненно болезненного, поведения человека в концлагере. Так родилась книга „Просвещённое сердце“. Но это ещё не всё. В лагере запрещалось держать карандаш и бумагу, делать записи. Беттельгейму пришлось писать эту книгу „в уме“ — долгими, бесконечными часами работая лопатой или перетаскивая камни, заучивать наизусть строчку за строчкой.

Забегая вперёд, скажу, что по мере продвижения к состоянию „идеального заключённого“ у человека появляется амнезия — частичная потеря памяти. Распад личности — распад цельной картины мира. Для узника становится реальным только то, что происходит внутри лагеря. Весь мир за пределами колючей проволоки нереален, его не существует. Все болезненные, мучительные воспоминания о семье, близких, о прошлой нормальной жизни подавляются. Человек начинает забывать то, чего нельзя забыть,— имена своих родителей, название родного города... Он видит: с ним происходит что-то ужасное, и этот ужас ускоряет разрушительный процесс, идущий в его душе. Книга, которую Беттельгейм „писал“ в лагере, спасла ему жизнь — защитила от лагеря, позволила остаться человеком.

К моменту выхода из лагеря она была почти готова — оставалось только её записать. Это большая книга — в ней триста страниц. (Бруно Беттельгейм. „Просвещённое сердце“

— Bruno bettelgeim, The informed heart, N. Y., 1960.)

Методика превращения человека в «идеального заключённого»

Впадение в детство

Суть метода — прививание взрослому психологии ребёнка. Это проявляется в лагере повсюду. Хроническое недоедание заставляет человека всё время думать о еде. Постоянные темы разговоров заключённых: что давали или будут давать в столовой, что удалось достать в лагерном магазине, стащить со склада, выменять на что-нибудь ценное, что едят эсэсовцы и т. п. Далее, в лагере особое, преувеличенное внимание — чистоте. У заключённых всё время проверяют чистоту рук, ушей, обуви, постели. Как их наказывают? Взрослому человеку при всём честном народе снимают штаны и стегают его розгами — типично детское наказание. Далее, в лагере действует огромное число законов, предписаний, инструкций, постановлений и так далее. Причём многие из них неизвестны заключённым, зачастую противоречат друг другу и создают в лагере такую обстановку, в которой каждый твой шаг — нарушение. Ты всё время находишься в состоянии нашкодившего школьника — тебя всё время есть за что наказать.

В результате — взрослый человек начинает вести себя, как ребёнок. В лагере между заключёнными нет сильных, постоянных привязанностей, нет настоящей дружбы. Узники — как дети, то поссорятся, то помирятся, то снова ссорятся. Этические нормы — детские. Заслугой считается украсть, утащить что-нибудь из лагерного хозяйства. В лагере полно добровольных доносчиков, хотя доносительство никак не вознаграждается, не создаёт лучших условий, не спасает от газовой камеры.

Эпизод из моего школьного детства. Как-то в классе третьем-четвёртом у нас в школе завели такой порядок. Утром у входа нас встречала милая пионервожатая в белом халатике с красным крестом. Мы показывали ей ладошки и входили в школу. Если у тебя ладошки грязные, ты отправляешься в умывалку, а затем в класс. Никого не наказывают, не высмеивают — инцидент на этом считается исчерпанным. Но я до сих пор помню то неясное чувство неловкости, стыда, унижения, от которого я смог отделаться, только прочитав Беттельгейма. Казалось бы, всё правильно: чистота — залог здоровья, но когда тебе десять лет, ты — взрослый человек, а эти ладошки низводят тебя до уровня трёхлетнего ребёнка.

Коллективная ответственность

В лагере не наказывают именно того человека, который совершил проступок. Наказанию подвергается вся группа заключённых, в которой находился провинившийся. Если нарушение произошло в бараке, наказывают весь барак, если во время работы — всю рабочую команду. Бывали случаи, когда и весь лагерь отвечал за проступок одного человека. Этот метод хорош тем, что заставляет самих заключённых следить, чтобы в лагере всегда всё было в полном порядке. Тебе не дадут совершить подвига, поступка твои же товарищи по несчастью — они вовремя свяжут тебя по рукам и ногам. Парадоксальная ситуация — интересы эсэсовцев и заключённых начинают совпадать.

Легко понять, что возможность нести ответственность за свои собственные поступки — это сильное душеукрепляющее средство, и в лагере оно недопустимо.

Не высовывайся

В лагере постоянно, примерно на одном уровне, поддерживается „фон террора“: время от времени на глазах у заключённых кого-то секут розгами, расстреливают, посылают в газовую камеру. Вот стоит эсэсовец. Он чувствует, что для поддержания этого фона уже пора кого-то наказать. Кого выбрать, когда все такие неразличимые — одинаково постриженные, в одинаковых полосатых пижамах? Того, кто хоть чем-то выделяется из общей массы, то есть ещё сохранил что-то своё, индивидуальное. Сила этого метода в том, что человек в своём естественном стремлении к безопасности станет сам производить внутреннюю работу по разрушению своей личности, чтобы слиться с этой серо-полосатой массой, стать неотличимым.

Не смотри

Ещё одна сцена из лагерной жизни. Эсэсовец измывается над своей жертвой. К месту действия приближается группа заключённых. Метров за десять они все, как по команде, демонстративно поворачивают головы в другую сторону и переходят на бег трусцой. Эсэсовец останавливает их: „Смотрите — так будет со всяким, кто осмелится...“. Что же происходит? Всё правильно — заключённые показывают эсэсовцу, что они „не видят“ того, что им не положено видеть, но видят, если им это прикажут. Суть метода — подмена естественных, спонтанных реакций человека реакциями по приказу: прикажут — вижу, прикажут — не вижу.

Почему в лагере запрещено носить часы? Имея часы, ты знаешь, сколько времени осталось до обеда, можешь распределить свои силы, сам что-то спланировать, сам, хоть в какой-то мере, управлять ситуацией. Это частный случай общего правила — отсутствие в лагере информации о чём бы то ни было. Информация — не просто удобство, это возможность самостоятельно оценить ситуацию, это какое-то право. А в лагере человек лишён даже „самого личного“ права — права на смерть. Попытка самоубийства наказывалась... смертной казнью.

Утренняя зарядка

Завыла сирена. 45 минут — на то, чтобы встать, прибрать постель, совершить утренний туалет, выпить чашечку тёплой жидкости, называемой „кофе“, и построиться на плацу. Заправке постелей — особое внимание. Всё должно иметь абсолютно правильную геометрическую форму: углы — прямые, поверхности — плоские. Подушка — в форме куба, одеяло, на которое специально нанесён симметричный прямоугольный рисунок, должно быть сложено способом, соответствующим этому рисунку. И не просто одна постель, но и ряд их в одном проходе должны быть выстелены по струнке — иногда эсэсовцы проверяют заправку постелей с помощью геодезических приборов.

Теперь представьте себе барак, двух- или трёхэтажные нары, а на них — люди,

разбуженные сиреной после шестичасового заполненного кошмаром сна. Тот, кто наверху, неизбежно портит всё тому, кто внизу. И если хоть одна постель будет убрана неправильно, пострадают все. А у тебя только 45 минут. Идёт зарядка, зарядка враждой и ненавистью к своему же товарищу, заключённому.

Но вот с постелями покончено, теперь — в туалет. Ну, туалет — это слишком сильно сказано. На барак в тысячу человек — пять открытых всем ветрам и взорам толчков. Выстраивается очередь. У всех заключённых из-за плохого питания, тяжёлой работы и общей нервной обстановки трудности с желудком. Очередь движется невыносимо медленно. Она начинает подгонять человека, занимающего толчок, оскорблениями, насмешками. Надо успеть, потому что потом, во время работы, если тебя прихватит, придётся идти к эсэсовцу и, превратившись в ребёнка, выпрашивать у него разрешение сходить в туалет. Вдоволь поиздевавшись над тобой, он может разрешить. А может — не разрешить.

Идёт утренняя зарядка злобой и ненавистью, которой должно хватить на весь день. Эта едкая кислота, накапливаясь внутри человека, обращается против него самого — разъедает его существо.

Работа

Если мы ищем средство самоутверждения, что-то такое, на основе чего можно строить, а не ломать, то первое, приходящее в голову, это работа. Человек может думать так: „Ну ладно. Я вижу, что творится вокруг. Но то, что я делаю, я делаю хорошо. Я — специалист, меня уважают, и этого у меня не отнимешь“. Конечно, в лагере не так уж много возможностей для квалифицированного труда, но кое-что всё же есть — небольшие заводы, мастерские и так далее. Представим себе интеллигента, который попадает, скажем, на кирпичный завод. Поначалу у него всё валится из рук, вместо кирпичей — причудливой формы лепёшки. Но он очень старается. И вот месяца через три он уже делает вполне приличные кирпичи. Они и ему самому нравятся, да и другим не стыдно показать. Правда, одна мысль не даёт ему покоя — а куда идут его красивые кирпичи? В соседнем лагере строится крематорий, в котором будут сожжены тысячи, миллионы людей. А может быть, и он сам. „И я своими кирпичами участвую в строительстве этого крематория“. Можно, конечно, посильнее зажмуриться и сосредоточиться на совершенствовании формы кирпичей. Но как только эсэсовцы замечают, что у заключённого кирпичи начинают получаться, его сразу же переводят на другую — самую грязную и тяжёлую работу. Цель — показать тебе, что от твоего умения, старания, от тебя ничего не зависит. Ты будешь делать то, что может сделать любой. Ещё лучше, если эта работа к тому же и бессмысленна. Отсюда перетаскивание камней с места на место и погрузка песка в вагоны ладонями.

Я говорил уже, что доносчики не пользовались в лагере никакими привилегиями. Принцип тот же самый — нельзя допустить, чтобы заключённый мог бы сам чего-то достичь, своими действиями повлиять на своё положение. Таким образом, у человека выбивается из рук мощное защитное средство — работа.

Элита

Другое сильнодействующее средство самоутверждения — власть. Управлять другими людьми, принимать решения, нести ответственность за судьбы этих людей — всё это, несомненно, цементирует личность человека. И в концлагере такая возможность существует. Потому что всей жизнью концлагеря управляют заключённые.

В бараке — это староста, а в больших бараках, состоящих из отделений, ему подчиняются старосты отделений. Бараки объединены в „острова“, и есть старосты островов, а на самом верху — староста лагеря. Капо, начальник рабочей группы, — заключённый, начальники столовой, мастерских, поликлиники — заключённые. И потому, в частности, сотня эсэсовцев может управлять лагерем в несколько десятков тысяч человек, что почти всю работу за них выполняют сами заключённые. Представителей этой разветвлённой, многоярусной иерархии называют в концлагере „элитой“.

Человек, прорвавшийся в элиту, действительно обладает властью. Но он не может не сознавать, что его цели полностью совпадают с целями эсэсовской администрации. Если ты — староста, то, защищая себя и людей из своего барака, ты должен стремиться к тому, чтобы в бараке всегда был полный порядок. А это как раз то, к чему стремится и эсэсовец. И мысль о том, что ты становишься активным соучастником всего, что творится в лагере, отравляет твою душу. Конечно, ты можешь спасти своего человека от газовой камеры. Но вместо него ты всё равно должен внести в список кого-нибудь другого. И поставить под этим списком свою подпись.

И ещё. Поразительно, как быстро человек, попавший в элиту, забывает те лишения и страдания, которые он терпел, когда был обыкновенным заключённым. Дело в том, что жизнь элиты резко отличается от жизни заключённых. Элита питается значительно лучше и отдельно, она лучше одета, меньше работает, больше времени проводит в помещении. Некоторые даже живут в отдельных комнатах. И вот староста посылает на смерть заключённого, которого он застал за одним из самых страшных преступлений — когда тот рылся в помойке в надежде найти картофельную шелуху. Староста, который ещё три месяца назад полжизни бы отдал за пригоршню этой шелухи, теперь представить себе не может, как это можно быть таким голодным. Это удивительное свойство человеческой психики — попав из невыносимых условий в более благополучные, человек быстро и начисто всё забывает. Поэтому староста не может залезть в шкуру заключённого, взглянуть на мир его глазами. Для старосты это существо другой породы, и здесь он тоже сближается с эсэсовцем, переходя на другую сторону колючей проволоки.

Самоучитель по выживанию

Книга Беттельгейма „Просвещённое сердце“ переведена на много языков. Автор предисловия к французскому изданию назвал её „самоучителем по выживанию“. Оба слова здесь важны. Во-первых, она помогает человеку защитить свою личность от разрушения, а в экстремальных условиях это равносильно физическому выживанию.

Во-вторых, в книге можно найти много конкретных „правил поведения“. Они не собраны в одном разделе — эту книжку надо читать самому и самому выбрать из неё то, что тебе лично подходит. Это, действительно, самоучитель.

Итак, представим себе, что мы оказываемся в концлагере. И так же, как и Беттельгейм, очень скоро начинаем понимать, что ещё немного — и нам крышка. Надо сопротивляться. Но как? Первый шаг к спасению — понять, чему надо сопротивляться (знание — сила). Лагерь хочет превратить нас в „идеальных заключённых“, разрушив, с нашей же помощью, нашу личность. Значит, сопротивляться — это укрепить её, сделать её твердой, найти способы самоутверждения.

Самое общее правило — создать вокруг себя Область Автономного Поведения. Область, внутри которой можно самостоятельно совершать поступки и нести за них ответственность. Эту область ты тоже выбираешь сам, исходя из склада характера. Это может быть очень маленькая область.

Перескажу ещё раз эпизод из лагерной жизни Беттельгейма, который я приводил, говоря о воспитании детей („Знание — сила“, 1987 год, № 7.). Беттельгейм, ещё совсем новичок, сидя в столовой, брезгливо оттолкнул от себя миску с баландой. Его сосед, „старичок“ — так в лагере называют заключённых с большим стажем, — дал ему совет: „Если хочешь быстро сдохнуть, тогда можешь не есть. Но если ты решил выжить, то запомни: во-первых, ешь всякий раз, когда дают есть, во-вторых, спи или читай, когда предоставится свободная минута, и, в-третьих, чисти зубы по утрам“. „Старичок“ перечислил ему почти всё, что в лагере не заставляют делать. Поэтому чистка зубов по утрам может быть поступком. Самое важное: поступки — не только то, что мы делаем. Это то, что делает нас. Это формообразующее средство.

Мне очень по душе это место из книги. Здесь делается упор на личное, индивидуальное сопротивление. Человек, зная, против чего он борется, борется в одиночку. Я очень не люблю это знаменитое: „Один в поле не воин“. В истории, начиная с древней и до наших дней, были случаи, когда всего один человек говорил: „Нет. Не буду“ и тем останавливал неправое дело. Но даже если не было видимых последствий его поступка, в лагере становилось одним „идеальным заключённым“ меньше — значит, лагерь не победил.

И ещё — всякая Область Автономного поведения хороша, но некоторые — в особенности. Беттельгейм рассказывает о двух филателистах, с которыми он вместе сидел. Они, конечно, очень быстро нашли друг друга и, улучив минутку, страстно обсуждали свои коллекции. Первое время это увлечение давало им возможность сопротивляться лагерю. Но постепенно действие этого средства стало ослабевать — ведь коллекции-то остались дома. А всего, что находится вне лагеря, — не существует. Судьба этих двух филателистов трагична. Они не смогли больше черпать силы из этого источника, дружба их расстроилась, и вскоре они погибли.

А вот научная работа Беттельгейма в лагере — это пример совсем другой деятельности. Деятельности, непосредственно направленной на ту жизнь, которая его окружала. Надо добавить, что это было смертельно опасное исследование — ведь работа

психолога связана с опросом „пациентов“. Каким образом в лагере, кишашем доносчиками, его никто не выдал, можно объяснить только атмосферой, которую создавала вокруг личность Беттельгейма.

Теперь, после этих общих рассуждений, я хочу сказать о двух конкретных правилах, выбранных из книжки.

Черта

В сознании человека всё время должна находиться черта — граница, которую он никогда, ни при каких условиях, не переступит. Совершая поступок, находящийся за этой чертой, человек просто перестаёт быть собой, и поэтому его существование уже не имеет смысла. Здесь важны две вещи. Первое — черта, которую ты для себя выбрал, постоянно должна находиться в твоём сознании. Второе — она может двигаться. Ведь условия в лагере меняются: то, что вчера ещё было смертельно опасно, сегодня — вполне допустимо. Или наоборот. Конечно, черту нельзя двигать уж очень часто и, во всяком случае, нельзя двигать в тот момент, когда ты принимаешь решение.

Вот реальный случай из жизни лагеря. Команда заключённых перетаскивает камни. Эсэсовец, присматривающий за их работой, вдруг замечает, что двое заключённых стараются выбирать камешки поменьше и этим нарушают принцип „Не высывайся“. Требуется их наказать — эсэсовец приказывает им выкопать для себя могилу и залезть в неё. Затем он вызывает заключённого из соседней рабочей команды и приказывает ему закопать тех двоих живьём. Заключённый отказывается это сделать! Эсэсовец сопровождает приказ ударами приклада — снова отказ. Имя этого человека известно — им был польский аристократ Стшаска. Известно оно потому, что это был редчайший случай открытого неповиновения, за это в лагере — расстрел на месте. Но наш эсэсовец выражает более глубокое понимание лагеря. Вот задача: как должен поступить эсэсовец? Пока читатель думает, поделюсь с ним следующим наблюдением. Я увлёкся этой книжкой давно и вот уже более десяти лет рассказываю и обсуждаю её с самыми разными людьми. И не было ещё ни одного случая, чтобы кто-нибудь из моих слушателей не нашёл правильного решения за эсэсовца.

Ну так что? Это очень просто. Надо, разумеется, вынуть тех двоих из могилы, посадить туда Стшаску и приказать им его закопать. И они его закапывают. А теперь что? Когда голова Стшаски уже еле виднелась из-под земли, эсэсовец приказывает им снова поменяться местами. Стшаску выкапывают, те двое — снова в могиле. На этот раз Стшаска их закапывает навечно...

У Стшаски была черта, и, значит, он был ещё человеком. Мало смысла было его расстрелять — он так и погиб бы вместе со своей чертой. Нужно было её сломать, и теперь Стшаска сам покатится по наклонной дороге, ведущей к „идеальному заключённому“.

До черты

Предположим, что тебе предстоит совершить гадкий поступок. Но он — до черты, поэтому всё нормально, ты его совершишь. Правило заключается в том, что ты должен сознательно отнестись к этой ситуации: привести доводы в пользу этого поступка. „Да, это мерзкий поступок, но я его совершу, потому что иначе: а) я лишусь чего-нибудь важного, б) пострадает моя семья или в) пострадают мои товарищи, или г) ... и так далее.

На первый взгляд — уж очень удобное правило. Все мы люди интеллигентные, а это значит, что мы всегда сможем оправдать любое своё поведение. Но не будем спешить, разберём такую ситуацию. Вот типичный лагерный метод. Собирают группу людей и на протяжении, скажем, часа читают им вслух что-нибудь такое, что и так развешано по всему лагерю — правила лагерного поведения или лагерные новости, или ещё что-нибудь в этом роде. Это один из вариантов низведения взрослого до состояния ребёнка — насильно читать ему вслух то, что он и так знает или сам может прочесть. Теперь посмотрим, как ведут себя заключённые. Вот они получили приказ собраться в помещении, где происходит чтение вслух. Большинство сразу автоматически встаёт и идёт, куда сказано, — приказ без помех проваливается в ноги. Другие начинают ёрзать, как будто испытывают некоторое неудобство. Они себя убеждают, что надо идти. А потом — идут. И это — замечательно, это значит, что они ещё не прошли весь путь, ведущий к „идеальному заключённому“. Самое страшное — автоматизм поведения: сказали — идёшь.

«Мусульмане»

Итак, методика готова. Впереди — цель, которую рисовал перед собой Гитлер: он один за пультом управления — и миллионы „идеальных заключённых“, мгновенно исполняющих команды. Эта идеальная картина выглядит мрачно и безысходно. Но я хотел бы закончить обсуждение этого раздела на оптимистической ноте. Дело в том, что эта цель недостижима.

„Мусульманами“ называли в концлагере заключённых, которые прекратили сопротивление и уже не замечали ничего вокруг. Они перестали принимать пищу, следить за собой и лишь машинально выполняли приказы, поступавшие извне. У них не осталось уже никаких внутренних побуждений. Если положить в руку „мусульманину“ кусок хлеба, он машинально сжует его, уставившись в одну точку отсутствующим взглядом. Другие заключённые узнавали „мусульманина“ по характерной походке — он шёл, приволакивая ноги. Жить ему оставалось недолго, это — ходячий труп.

„Мусульманин“ — и есть „идеальный заключённый“. Осталась одна оболочка, внутри — ничего нет, нет и стремления жить. А человек живёт до тех пор, пока хочет жить. Создать „идеального заключённого“ можно, но это будет нежизнеспособное существо. И если бы Гитлеру удался его план „перевоспитания“ людей, то он получил бы целую Германию мертвецов.

Теперь займёмся теми, кого не удалось „перевоспитать“. Ведь были заключённые, которые выдержали и пять, и даже десять лет лагеря. Откуда у них запас прочности?

Дело в том, что эти люди выросли и большую часть жизни прожили в дофашистской Германии. Они создали в своей душе фундамент, на который можно было опереться. Вот эти „пережитки прошлого“ и дали им силы сопротивляться давлению лагеря. Не всё удалось сохранить, не обошлось, разумеется, без потерь: они стали не такими людьми, какими вошли в лагерь. Но они — выжили. И примерно к 1942 году, когда стало ясно, что программа перевоспитания Германии не даёт нужных результатов, рабочие лагеря стали постепенно превращаться в лагеря уничтожения — лагеря смерти. А новые уже строились сразу как лагеря смерти.

Итак, взрослые люди оказались не очень подходящим материалом. А что если взять ребёнка с чистой, как белый лист бумаги, душой и прямо со школы готовить его в „идеальные заключённые“? Или ещё лучше — прямо с яслей. Так возникла фашистская молодёжная организация „Гитлерюгенд“. Довести этот эксперимент до конца не удалось, но каков был бы результат, мы уже знаем.

Теперь я хочу задать ещё одну задачу. Необходимо разбить всех заключённых на несколько групп. В первую группу поместить тех, кто лучше всего мог сопротивляться лагерю, во вторую — тех, кто похуже, в третьих ещё хуже, и так далее.

Читателю вновь предлагается немного подумать. А вот ответ, данный жизнью. В последней группе — чиновники всех видов и мастей. Для них главное в жизни — это мундир, регалии, чины, отношение начальства. То есть все жизненные ценности — внешние. Попав в лагерь, они моментально всего этого лишаются и оказываются голыми. Основное достоинство чиновника — умение слушаться — здесь оборачивается против него. И в результате быстрый распад личности.

На втором месте — глубоко верующие люди. Это понятно — в нормальной жизни они занимались совершенствованием своей души. У них есть вера, и её можно взять с собой в лагерь. И там она может даже укрепиться. Верующие в лагере стараются держаться вместе, помогают друг другу и поддерживают других заключённых.

На первом месте — люди, для которых честь намного важнее жизни. В старину это были аристократы, теперь — затрудняюсь найти нужное слово, пусть будет „аристократы духа“.

Я считаю, мне повезло — первый раз я прочёл „Трёх мушкетеров“ в сорок лет. И понял, что в деле укрепления своей личности они — профессионалы. Они — живое воплощение морального кодекса „строителя феодализма“, они всё время на виду. И они должны драться.

Я не забуду чувство горечи, которое в детстве охватило меня, когда я узнал о дуэли Пушкина: „Ну зачем он дерётся? Если бы не дрался, то написал бы...“ Если бы не дрался, не был бы Пушкиным. И главная тема „Трёх мушкетёров“ — не ДАртаньян, а Атос. Невозможно представить себе Атоса, который, переодевшись в женскую одежду, пробирается „на разведку“ во вражескую крепость. Атос открыто въезжает на коне в стан неприятеля.

Если же общество лишается „класса“ людей, которые ценой собственной жизни поддерживают идеалы чести и достоинства на должном уровне, то этот уровень начинает падать. Но откуда им было браться? — вот вопрос, на который нелегко найти чёткий ответ.

Концлагеря и остальная Германия

После освобождения Германии от фашизма всему миру открылась страшная правда о гитлеровских концлагерях. Потрясённые всем увиденным, союзники спрашивали у немцев, переживших фашизм, знали ли они о существовании лагерей. И очень часто получали ответ: „Нет, мы ничего не знали“. Это замечательное свойство противоречивой человеческой психики — не знать того, что знаешь, но страшно не хочешь знать.

Страх

Нельзя было не знать — о лагерях писали в газетах, говорилось по радио. Правда, никаких подробностей не сообщалось. Но это ещё хуже — если бы знать, что тебя там ждёт, можно как-то подготовиться. А то — как смерть. Человек внезапно исчезает, и всё.

И ещё: чем отличается страна, в которой действует множество самых жестоких законов, от страны, в которой вообще никаких законов нет? В первом случае ты знаешь, за что и когда тебя повесят. А во втором — ты добропорядочный немец, ходишь в церковь, слушаешься начальство, образцовый семьянин. И вдруг ночью стук в дверь — гестапо.

Поначалу вроде бы ничего. В газетах и по радио — шумная кампания против цыган. Всех цыган — в лагерь. Но я не цыган, меня не заберут. Следующие на очереди — обитатели полусвета: содержатели ночных заведений, гомосексуалисты и так далее. Опять пронесло. Но дальше — хуже. Вот какая-нибудь группа людей, сознавая важную роль, которую она играет в обществе, начинает слишком много себе позволять. Например, врачи. Или адвокаты, учёные-физики и так далее. Они требуют для себя свободного доступа к информации, поездок за границу к коллегам. У них есть и духовный вождь — всемирно известный, всеми уважаемый учёный. С ними поступают так. Выбирают случайным образом каждого десятого и — в лагерь. При этом их лидер может случайно в эту выборку и не попасть.

Но вот — мой сосед по лестничной площадке. Я его прекрасно знаю — абсолютно лояльный, преданный всем идеалам национал-социализма немец. Чуть что — „Хайль Гитлер!“. Ночью слышу, как подъезжает машина, гестаповцы поднимаются по лестнице, стук в соседнюю дверь. Теперь от страха уже некуда деться.

Жить в таком состоянии нельзя. Чувство самосохранения требует полностью слиться с властью. Проникнуть не умом, а сердцем, всеми фибрами своей души в её душу. Угадывать мельчайшие колебания её настроения. Раствориться в ней полностью. Но для этого надо сначала растворить свою. И человек начинает внутреннюю работу по уничтожению своей личности. Посмотрим на него, когда он читает газету. Собственно,

он её и не читает. Ведь газета создана не для того, чтобы служить окном в мир, в котором ты живёшь. Он читает там, где ничего не напечатано — между строчек. Он её впитывает целиком. Он сливается. Теперь ему уже не нужно приказывать — он сам знает, чего от него хотят. И тогда к нему приходит чувство безопасности. Но эта безопасность мнимая.

«Гитлерюгенд»

Мой дом — моя крепость. Пусть на улице маршируют эсэсовцы, а со всех стен на меня смотрит этот мерзавец с чёлкой и усиками. Пусть на службе при встрече с начальником я вытягиваюсь в струнку — „Хайль!“. Пусть в разговоре с друзьями за кружкой пива приходится всё время быть начеку — здесь и стены имеют уши. Пусть над всем этим витает призрак концлагеря. Пусть! Но вот я — прихожу домой, и здесь я — хозяин. Я управляю этим маленьким миром, я отвечаю за всё. Чтобы все были сыты, одеты, обуты и обогреты. Чтобы дети выросли, несмотря ни на что, честными немцами. Мой дом — моё последнее прибежище, здесь я делаю то, что считаю нужным. И говорю то, что думаю.

Ты понимаешь, что это и есть Область Автономного Поведения — крепость, которую сам человек строит, чтобы защититься от фашизма. Необходимо, следовательно, её разрушить. В каждой семье есть дети, и они — члены „Гитлерюгенд“. А там — свой фюрер, и он приказывает слушать, о чём говорят дома родители. И, если услышишь что-нибудь не то, сообщать ему. И нашлись дети, которые доносили. Немного — на всю Германию не больше десятка случаев. Но каждый раз — шум по радио, во всех газетах — статьи с портретом ребёнка, который возводился чуть ли не в ранг национального героя. И этого оказалось достаточно. Угроза — страшнее исполнения.

А теперь — попробуй отшлёпать своего малыша.

Портреты

Один из самых важных уроков, который можно извлечь из книги Беттельгейма,— замечай всё, что происходит вокруг тебя. И если какая-то деталь чересчур навязчиво попадает на глаза — подумай, нет ли в ней смысла. Может быть, она тоже „работает“.

Портреты Гитлера человек встречал на каждом шагу. Выходишь на улицу — Гитлер, на службе, в метро, в магазине, в кино — Гитлер. Приходишь домой — и там, даже если на стене и нет портрета, достаточно включить радио — там тоже Гитлер. Может быть, всё дело в том, что Гитлеру очень нравилась собственная физиономия? И ради этого работала целая индустрия, миллионными тиражами выпускавшая портреты всех видов и размеров? И поэтому твоё неучливое обращение с портретом, в который ты завернул сосиски, могло стать содержанием доноса в гестапо?

Если ты перестал замечать портреты, то дело твоё плохо. Это значит, что ты уже слишком далеко продвинулся на пути к „идеальному заключённому“. Тогда портреты — не для тебя. Они для тех, кого мучают мысли о том, что в родной стране — фашизм. Что ты являешься не просто свидетелем того, что творится вокруг, — это творится твоими

Заключение

Надо ли тут что-либо объяснять?